

А.В. Растягаев, Ю.В. Сложеникина

**О ПЕРВОМ ПЕРЕВОДЕ «МЕТАМОРФОЗ» ОВИДИЯ В ЖУРНАЛЕ
«ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА» (1759) А.П. СУМАРОКОВА**

© *Растягаев Андрей Викторович* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

E-mail: avr67@yandex.ru. **WoS ID:** B-2465-2014. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4658-1130>

© *Сложеникина Юлия Владимировна* – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций, декан филологического факультета, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

E-mail: goldword@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются причины появления первого прозаического перевода отрывка из «Метаморфоз» Овидия в мартовском номере журнала А.П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела». «Трудолюбивая Пчела» – принципиально новый для XVIII в. тип ежемесячного издания. Это журнал частный, его редакционная политика не зависела ни от правительства, ни от Академической канцелярии. Сумароков издавал его на правах частного предпринимательства в течение одного года, с января по декабрь 1759 года. Мартовская книжка «Трудолюбивой Пчелы» представляет собой, как и две предыдущие, собрание текстов различной жанровой природы. Это проза и стихотворство, оригинальные произведения и переводы. Ни переводческий репертуар, ни язык источника, ни жанр, ни личности переводчиков не могут дать даже намека на причину появления конкретных текстов в начале январского, февральского и мартовского номеров «Трудолюбивой Пчелы».

В статье общепринятая трактовка обращения редакции сумароковского журнала к античным текстам как следование традиции академической журналистики или общекультурного контекста секуляризации подвергается сомнению. Рассматриваются три вероятные причины появления данного отрывка именно в мартовском номере «Трудолюбивой Пчелы». Одна из них – масонская направленность журнала Сумарокова. Вторая – критика внутренней и внешней политики Елизаветы Петровны и ее окружения. Третья – литературная война, объявленная Сумароковым Ломоносову на страницах журнала. Перевод отрывка, сделанный студентом Крамаренковым, стал семантическим ядром всего мартовского номера «Трудолюбивой Пчелы», а миф о Фаэтоне превратился в ключевой элемент мифологии раннего русского масонства.

Ключевые слова: «Трудолюбивая Пчела», Сумароков, Овидий, «Метаморфозы», масонство.

Цитирование. Растягаев А.В., Сложеникина Ю.В. О первом переводе «Метаморфоз» Овидия в журнале «Трудолюбивая Пчела» (1759) А.П. Сумарокова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 24. № 3. С. 109–115. DOI: <https://doi.org/10.18.287/2542-0445-2018-24-3-109-115>.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00356 А «Журнал А.П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» (1759) и его значение для русской литературы XVIII века».

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-109-115
UDC 82.92

Submitted: 11/VI/2018
Accepted: 8/VII/2018

A.V. Rastyagaev, Yu.V. Slozhenikina

ABOUT THE FIRST TRANSLATION OF THE «METAMORPHOSES»
BY OVID IN A.P. SUMAROKOV'S JOURNAL «HARD-WORKING BEE» (1759)

© *Rastyagaev Andrey Viktorovich* – Doctor of Philological Sciences, professor, head of the Department of Philology and Mass Communications, Samara branch of Moscow City University, 76, Stara-Zagora Street, Samara, 443081, Russian Federation.

E-mail: avr67@yandex.ru. **WoS ID:** B-2465-2014. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4658-1130>

© *Slozhenikina Yulia Vladimirovna* – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Philology and Mass Communications, Samara branch of Moscow City University, 76, Stara-Zagora Street, Samara, 443081, Russian Federation.

E-mail: goldword@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>

ABSTRACT

The article studies the reasons for the appearance of the first prosaic translation of the excerpt from «Metamorphoses» by Ovid in the March issue of the magazine «Hard-Working Bee». The «Hard-Working Bee» is a new type of monthly periodical press for the XVIII century.

This is a private journal, its editorial policy did not depend on the government or the Academic office. Sumarokov published it as a private enterprise for one year, from January to December 1759. March book of «Hard-Working Bee» is, like the previous two, a collection of texts of different genre nature. Prose and poetry, original works and translations were published there. Neither the translation repertoire, nor the language of the source, nor the genre, nor the personality of the translators can give even a hint at the reason for the appearance of specific texts in the early January, February and March issues of the «Hard-Working Bee».

In the article, the generally accepted interpretation of the Sumarokov journal's appeal to the ancient texts as following the tradition of academic journalism or the General cultural context of secularization is questioned. Three probable reasons for the appearance of this passage in the March issue of the «Hard-Working Bee» are considered. One of them is the Masonic orientation of Sumarokov's magazine. The second is criticism of domestic and foreign policy of Empress Elizabeth and her entourage. The third is the literary war declared by Sumarokov against Lomonosov on the pages of the magazine. The translation of the passage, made by the student Kramarenkov, became the semantic core of the whole March issue of the «Hard-Working Bee», and the myth of the Phaeton turned into a key element of the mythology of early Russian Freemasonry.

Key words: «Hard-Working Bee», Sumarokov, Ovid, «Metamorphoses», Freemasonry.

Citation. Rastyagaev A.V., Slozhenikina Yu.V. *O pervom perevode «Metamorfoz» Ovidiia v zhurnale «Trudoliubivaia Pchela» (1759) A.P. Sumarokova* [About the first translation of the «Metamorphoses» by Ovid in A.P. Sumarokov's journal «Hard-Working Bee» (1759)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], Vol. 24, no. 3, pp. 109–115. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-109-115>.

Acknowledgments. The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research. The research project № 18-012-00356 A. The magazine of A. Sumarokov «Hard-Working Bee» (1759) and its significance for the Russian literature of the XVIII century.

В истории русской литературы XVIII в. сложилась устойчивая традиция считать, что появление в периодических изданиях отрывков из произведений античных авторов было обусловлено общей просветительской миссией демократической интеллигенции. Академия наук, частные издатели и отдельные переводчики якобы «обращались к античности, ища в ней мотивы светского мирозерцания и защищая ее от нападков церковников» [Штранге 1965, с. 133]. Именно секуляризацией было принято объяснять и переводческий репертуар античных авторов на страницах «Трудолюбивой

Пчелы» А.П. Сумарокова, поскольку одна из целей издателя – приобщить «русских читателей к великой античной культуре, пусть еще в отрывках» [Рак 2008, с. 129]. Подобная упрощенная точка зрения требует уточнения в каждом конкретном случае. В качестве примера возьмем семантическое ядро мартовской книжки «Трудолюбивой Пчелы» – «Баснь о Фазтонтe», отрывок из «Метаморфоз» Овидия, в переводе В. Крамаренкова.

По мысли М. Левитта, к середине XVIII в. «Овидий вошел в русскую словесность в контексте знакомства русской культуры с античной мифологией

и воспринимался как элемент новой европейской культуры» [Левит 2012, с. 144]. Культурная рецепция античного автора не ограничивалась жанровыми подражаниями в стихотворстве или использованием мифологических сюжетов в драматургии. «Метаморфозы» Овидия стали восприниматься как художественное целое, хотя сам процесс растянулся на десятилетия: от первого прозаического перевода с латинского языка отрывка «Баснь о Фаетонте. Из Овидиевых превращений» В.И. Крамаренкова (1759) до публикации перевода всего текста «Метаморфоз» Г.В. Козицкого (1772–1774).

Василий Иванович Крамаренков (род. в 1732 г. в украинском г. Сумы в семье полкового священника) в марте 1759 г. – студент Академического университета. До этого, с 1751 по 1755 г., он проходил курс обучения в Гимназии Академии наук. Сразу по окончании Гимназии за выдающиеся успехи в науках и языках Крамаренков был определен в студенты. Однако языкам юноша предпочел естественные науки и начал занятия в области ботаники, земледелия и сельского хозяйства под руководством профессора И.-Х. Гебенштрейта [Кулябко 1977, с. 115]. Но в апреле 1759 г. немецкий ученый заболел и был отпущен за границу для лечения на несколько месяцев. Его должность была «препоручена» на это время адъюнкту И.Ф. Кельрейтеру. Однако из Германии профессор не вернулся, а 29 января 1760 г. он направил из Лейпцига в Академическую канцелярию прошение об увольнении. Студент Крамаренков не стал заниматься у нового наставника, а кардинально сменил направление научной деятельности: от естественных наук перешел к изучению наук свободных. В течение нескольких лет он занимался словесными науками – латинским языком, красноречием и стилистикой у профессора Фишера и философией у профессора Брауна. В свободное время занимался переводами. Крамаренков на высоком уровне овладел латинским, французским и немецким языками и по окончании университета в 1760 г. остался в Академии наук переводчиком.

Почему первым студенческим переводом Крамаренкова становится именно «Баснь о Фаетонте. Из Овидиевых превращений»? По мнению Е.С. Кулябко, «выбор авторов для перевода был сделан им не без влияния Ломоносова, который указывал студентам на необходимость знакомства с латинскими классиками как образцами для подражания в красноречии» [Кулябко 1977, с. 115]. Исследовательница делает отсылку к полному собранию сочинений Ломоносова (Т. 9, с. 494). Однако на этой странице опубликован «Проект регламента Академической гимназии», датированный 1758 г., марта 21 – мая 27. Причем Овидий не входил в перечень авторов, рекомендованных Ломоносовым к изучению. Более того, к маю 1758 г. Крамаренков уже закончил Гимназию и был определен в студенты в 1755 г., т. е. выбор отрывка из «Метаморфоз» Овидия был сделан без влияния Ломоносова.

Известно, что Ломоносов не был знатоком латинского языка. Не случайно он поручал переводить свои речи на латинский язык специалистам. Ломоносов доверил Г. Козицкому перевод «Слова о происхождении света...», которое было произнесено 1 июля 1756 г., а латинский перевод напечатан в 1759 году. «Слово о пользе химии» Ломоносова, произнесенное в сентябре 1751 г., было переведено на латынь дважды. Сначала перевод был сделан в 1752 г. Ф.Я. Яремским, а в апреле 1759 г., по просьбе автора, не удовлетворенного качеством, – Козицким.

Григорий Васильевич Козицкий (род. в 1724 г. в Киеве) первоначальное образование получил в Киево-Могилянской академии, где особенно интенсивно изучал латинский, греческий и еврейский языки. Продолжил образование в Европе, проучившись полтора года в гимназии св. Елизаветы в Бреславле, а затем в Лейпцигском университете, преуспев в языках, философии и математике. После возвращения в Петербург в сентябре 1756 г. он был назначен учителем в высший латинский класс Академической гимназии, где преподавал философию и словесность, а в феврале 1759 г. утвержден адъюнктом Академического университета [Пекарский 1867, с. 38]. Этот год для Козицкого стал знаковым еще по одной причине. Испытывая симпатию к литературной группе А.П. Сумарокова, Козицкий после основания «Трудолюбивой Пчелы» разорвал отношения с «Ежемесячными сочинениями», подведомственными Академической канцелярии, и стал печататься исключительно в сумароковском журнале.

По всей видимости, именно Козицкий, обучавший Крамаренкова древним языкам, по каким-то причинам попросил студента перевести отрывок из овидиевых «Метаморфоз» для мартовского номера «Трудолюбивой Пчелы». Видимо, сам Козицкий в это время был занят переводом трудов Ломоносова на латинский язык для публикации их с расчетом на европейскую аудиторию. От оперативности переводчика зависели и международная репутация Ломоносова, и карьерный рост Козицкого в Академическом университете. Впоследствии он переводил отрывки из «Метаморфоз» Овидия и других произведений поэта исключительно сам. Уже в апреле это «Баснь о Пираме и Физбе», в сентябрьской книжке публикуется «Фив и Дафна», а в ноябре – «Скилла или безбожное предательство» [Трудолюбивая Пчела 1759, с. 212–218, 524–531, 650–658]. Наконец прозаический перевод овидиевских «Метаморфоз» Козицкого вышел в двух книгах в Санкт-Петербурге в 1772 и 1774 годах соответственно. Специалисты до сих пор восхищаются филологической точностью Козицкого при работе с первоисточниками, что не было свойственно русским переводам XVIII века. Крамаренков, продолжив переводческую деятельность, больше к произведениям Овидия не обращался никогда.

Между тем «Баснь о Фаетонте» должна была открывать мартовскую книжку «Трудолюбивой

Пчелы» и быть семантическим ядром всего номера. По-видимому, Козицкий, презрев вопрос первенства в публикации перевода, способствовал его появлению именно в третьем номере сумароковского журнала. Для этого была веская причина, обусловленная политикой издателя.

Известно, что издатель «Трудолюбивой Пчелы» Сумароков был одним из первых русских масонов. По свидетельству Михаила Олсуфьева, он состоял в Ложе, которую относили к французскому рыцарскому масонству шотландской системы. В нее в середине 1750-х гг. входило 35 человек [Лонгинов 1867, с. 92–93]. По мысли первых российских масонов, правильная иерархия духовных ценностей была нарушена в ходе развития цивилизации. Божественный нектар естественного разума превращен «змеей гордости» в яд ложного просвещения. Эта излюбленная тема в художественной форме реализована в притче Сумарокова «Жуки и Пчелы», впервые опубликованной в 1762 году.

Масоны верили, что нужно перестраивать общественные отношения, восстанавливая улей — правильную иерархию моральных ценностей. Для этого необходимо истинное Просвещение, которое воздвигнет совершенное здание государственного устройства. Человек должен превратиться в трудолюбивую пчелу и напитаться нектаром — мифологией и мудростью древних и новых писателей. Но, чтобы нектар превратился в мед, маршрут к местоположению самих трав, дающих питательный сок, необходимо трудолюбие пчел-первопроходцев — переводчиков и поэтов, издателя и авторов первого русского прамасонского журнала «Трудолюбивая Пчела».

Принцип синергии, совместного поступательного движения друг к другу, свойствен читателям и писателям журнала. Масонское мировидение основано на вечном пути человеческой души к истине. Механизм чудесного превращения читателя в трудолюбивую пчелу — тайна, с трудом поддающаяся словесному выражению. Однако сам принцип метаморфозы заимствован русскими масонами у древних авторов. Прежде всего у Овидия.

В отличие от западноевропейских средневековых переводов овидиевых «Метаморфоз», где всегда исходному тексту предшествовал пролог, дававший этическую оценку его содержания, «Баснь о Фаэтонте» в русском переводе не сопровождается никаким предисловием. Есть только отсылка к автору в подзаголовке «Из Овидиевых превращений». Ключом к интерпретации переводческой и издательской позиции может быть лишь выбор конкретного отрывка для первого знакомства с произведением Овидия на русском языке.

Фаэтон — имя собственное, являющееся субстантивированным причастием, которое переводится как «сияющий, сверкающий» [Ярхо 2000, с. 145]. Солярной мифологией пронизано большинство стихотворений и в более поздних масонских журналах «Утренний свет» (1777–1780), «Вечерняя заря» (1789), «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785).

В масонской мифологии «путь человеческой души к истине символически отождествлялся с путешествием солнца вокруг вращающейся земли» [Маслова 2013, с. 13]. Сама же мифология естественным образом включалась в новую парадигму, поскольку, с точки зрения масонов, «в мистическом, моральном или религиозном смысле все, что было в человеческой истории, было масонским по определению» [Пятигорский 2009, с. 349–350].

Падение Фаэтонта и обусловленные им метаморфозы задают символический вектор развития всего мартовского номера «Трудолюбивой Пчелы». Подавляющее большинство текстов, помещенных Сумароковым под одну обложку вслед за переводом из Овидия, посвящены теме смерти. Масоны отличались особой любовью к смерти, для них смерть не есть небытие. Для них это подательница Света, реального аспекта Божества. С наступлением смерти жизнь не кончается, поскольку путь человека — путешествие от жизни к смерти и через смерть к жизни, т. е. метаморфоза.

Сама структура «Метаморфоз» Овидия оказалась созвучной мифологии первых русских масонов. По мысли Ю.К. Щеглова, «наиболее яркое впечатление, выносимое из “Метаморфоз”, — это впечатление единства и родства всего в мире, вещей и живых существ» [Щеглов 1962, с. 155]. М.М. Бахтин подчеркивал, что у Овидия главной становится «идея изображения под углом зрения метаморфозы всего космогонического и исторического процесса, начиная от создания космоса из хаоса и кончая превращением Цезаря в звезду» [Бахтин 1975, с. 265].

Таким же таинственным образом пестрые по своему составу книжки «Трудолюбивой Пчелы», составленные из текстов переводных и оригинальных, авторов древних и новых, прозаических и стихотворных, творят новую мифологию, при этом возрождая древний структурный принцип римского писателя. Особый талант Овидия по строительству собственной вселенной из различных мифов был взят на вооружение издателем и авторами сумароковского журнала. Концептуально «Трудолюбивая Пчела» — эхо «Метаморфоз». Даже странно, почему отрывок из поэмы появляется только в третьем номере, а не сразу после статьи Козицкого «О пользе Мифологии» в январской книжке. Другой вопрос связан с выбором конкретного отрывка. Любая история из овидиевского текста рифмуется с масонской философией вечной жизни. Слушачен ли выбор «Басни о Фаэтонте»?

На наш взгляд, выбор конкретного отрывка был обусловлен рядом обстоятельств, связанных уже не с эпохой Древнего Рима, а напрямую с российским XVIII столетием, временем, в котором современниками были императрица Елизавета Петровна и великая княгиня Екатерина Алексеевна, с одной стороны, Ломоносов и Сумароков — с другой. Их всех связывали далеко не простые отношения, которые нашли отражение и в текстах «Трудолюбивой Пчелы».

Кроме масонского подтекста, публикация «Басни о Фаэтонте» в мартовской книжке сумароковского журнала могла быть обусловлена откликом на современные события — преследование Елагина по обвинению в государственной измене и опалу малого двора. История Фаэтонта могла быть интерпретирована читателями «Трудолюбивой Пчелы» как аллегорическая оценка всего правления императрицы Елизаветы Петровны и ее придворного окружения.

О.М. Фрейденберг видела глубинную связь между религией и высшей государственной властью. Обогащение фараона, царя, императора во все времена у многих народов было связано с солнечной мифологией генетически. Так, у египтян слову «царь» соответствовало иероглифическое изображение солнечного диска, а после смерти фараон по праву садился на трон солнечного бога. Первым царем феспотов и молоссов, племен, обитавших в Древней Греции, был Фаэтон. В императорском Риме «при апофеозе царей происходило якобы вознесение их на небо» [Фрейденберг 1998, с. 662].

В «Басне о Фаэтонте» юноша, чтобы доказать приятелю свое божественное происхождение, отправился на небо, в чертоги Феба. Тот признал отцовство и, чтобы Фаэтонт не усомнился в родстве, готов выполнить любое желание сына. Просьба юноши была безрассудной: дать ему отеческую колесницу. Отец вынужден был сдержать данное сыну слово. Однако Фаэтонт не справился с управлением солнечной колесницей. Горячие кони сошли с правильной траектории, сжигая жаром и землю, и небо. Безрассудный поступок сына бога чуть не обратил Космос в прежний Хаос. По просьбе Земли, чтобы спасти все живое, установленный богами порядок, Юпитер разбивает молнией солнечную колесницу, а «Фаэтонт с горящими волосами пал, и пролетает стремглав по воздуху; подобно как на чистом небе звезда...» [Трудолюбивая Пчела 1759, с. 150]. Скорбящие сестры юноши превращаются в деревья по берегам реки Еридан, а их слезы «солнечную теплоту превращены в янтарь» [Трудолюбивая пчела 1759, с. 152].

Правление Елизаветы Петровны оценивалось масонами крайне негативно. Ее притязания на славу Петра Великого, попытка «править колесницей» по праву наследования — управлять государством — не приводила к гармонизации общественных отношений. Напротив, миф о сотворенном Петром Космосе разрушался, превращаясь в Хаос, при соприкосновении с реалиями социального устройства елизаветинской России середины XVIII столетия. Насколько далека данная государственная модель от масонского идеала, можно судить по утопии Сумарокова «Сон, šťastливое общество», опубликованной в декабрьской книжке «Трудолюбивой Пчелы» [Сложеникина, Растягаев 2012, с. 331–338]. Масоны верили, что нужно превращать Хаос общественных отношений елизаветинской России в Космос, восстанавливать улей. Правда, это воз-

можно только при новом, посвященном и просвещенном монархе [Сложеникина 2011, с. 35–39]. Таким образом, восхождение и падение героя-полубога в «Басне о Фаэтонте», опубликованной в мартовском номере «Трудолюбивой Пчелы», могло быть вполне интерпретировано современниками как критика политики Елизаветы Петровны и ее окружения.

Как известно, в Древнем Риме был принят календарь, в котором март был первым месяцем года. Название месяца была связано с богом войны Марсом. Большинство военных действий предпринимались именно в это время. Многие кровавые события, связанные с политической борьбой, также были приурочены к марту, месяцу Марса. Например, в историю культуры вошли мартовские иды — 15 марта 44 до н. э., день убийства Юлия Цезаря. В какой-то мере мартовский номер «Трудолюбивой Пчелы» — своего рода объявление войны. Войны не столько политической, сколько литературной.

Сумароков уже был участником подобных «военных действий» в 1740-х — начале 1750-х годов. Хронику литературной войны Третьяковского и Сумарокова проследили М.С. Гринберг и Б.А. Успенский, указав на роль этой острой полемики двух выдающихся представителей XVIII столетия в истории литературы. Исследователи отмечали, что споры Третьяковского и Сумарокова «имеют первостепенное историко-культурное значение: в ходе этой распри в негативной полемической форме отрабатываются программные установки, которые определяют направления литературного развития» [Гринберг, Успенский 2008, с. 219]. Литературное противостояние двух писателей породило новые жанры: первые русские комедии, пародии на идиостиль писателя и критические трактаты. Война против Ломоносова, объявленная на страницах «Трудолюбивой Пчелы», дала начало новой русской журналистике в форме оригинального частного издания.

Неприятные отношения между Сумароковым и Ломоносовым сложились еще в 1740-х годах. А.А. Костин рассмотрел причины обострения конфликта в 1758–60 гг. на материале писем Сумарокова и комментариев к ним. Исследователь обращает внимание на то, что «в конце 1750-х гг. одним из факторов взаимного недовольства Ломоносова и Сумарокова оказывались и их служебные, и деловые отношения» [Костин 2013, с. 107].

1757–60 гг. — апофеоз академической карьеры Ломоносова. 13 февраля 1757 г. его назначают советником Академической канцелярии, и он получает «возможность влиять на административные и хозяйственные дела Академии наук», а 19 января 1760 г. «гимназия и университет были переданы в полное распоряжение Ломоносова» [Алексеева 1999, с. 215]. К журналу «Трудолюбивая Пчела» он относится враждебно, а с самим Сумароковым с конца 1750-х гг. у Ломоносова складываются особенно неприятные отношения.

Вполне возможно, что публикация «Басни о Фаэтонте» в мартовском номере журнала – выпад в сторону именно Ломоносова. История о восхождении и падении полубога могла быть интерпретирована читателями как грозное предупреждение о неминуемом наказании за некомпетентное, по мнению некоторых, управление Гимназией и Университетом. Сумароков считал Ломоносова выскочкой, который не заслуживал столь высокого положения в Академии наук. Мишенью было не только официальное крестьянское происхождение оппонента, но и слухи о его якобы царском происхождении, связанные с мифом о том, что Ломоносов – сын Петра Великого [Савельева 2014, с. 9].

Заключение

Таким образом, выбор Овидия в качестве автора и конкретного отрывка из «Метаморфоз» для перевода нельзя считать случайным. Масонская направленность «Трудолюбивой Пчелы», недовольство политикой Елизаветы Петровны, а также личная неприязнь Сумарокова к Ломоносову в 1759 г. – все это предопределило появление «Басни о Фаэтонте» в мартовском номере журнала. Для узкого круга посвященных читателей-современников «Трудолюбивой Пчелы» данные аллюзии были понятны, для всех остальных переведенный отрывок остается лишь обычным средством просвещения отечественного читателя XVIII столетия.

Библиографический список

- Алексеева Н.Ю. Ломоносов Михаил Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. С. 212–226.
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Гринберг М.С., Успенский Б.А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х годов // Успенский Б.А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М.: Индрик, 2008. С. 219–318.
- Костин А.А. Отношения Ломоносова и Сумарокова в 1758–1760 гг. (Из комментариев к письмам Сумарокова) // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2013. № 7. С. 107–113.
- Кулябко Е.С. Замечательные питомцы Академического университета. Л.: Наука, 1977. 228 с.
- Левитт М. «Метаморфозы» Овидия в русской литературе XVIII века – Pro et Contra // LITTERARUM FRUCTUS. СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 142–153
- Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартиности. М.: Тип. Грачева, 1867. 176 с.
- Маслова А.Г. Мифопоэтика суточного времени в русской масонской поэзии XVIII века // Вестник Костромского государственного университета им. Некрасова. 2013. № 1. С. 113–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19058387>.
- Пекарский П.П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов. СПб.: Тип. Акад. наук, 1867. 88 с.

Пятигорский А. Кто боится вольных каменщиков? Феномен масонства. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 441 с.

Рак В.В. Иностранная литература в русских журналах XVIII века // Рак В.В. Статьи о русской литературе XVIII века. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. 640 с.

Савельева М.Ю. Ломоносов. Миф как основание мышления. М.: Канон+, 2014. 355 с.

Сложеникина Ю.В. «Сон, шастливое общество» А.П. Сумарокова: к проблеме вербального кода русского масонского текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 2. С. 35–39. URL: <https://l.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/92>

Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В. Начало и конец «Трудолюбивой Пчелы»: Утопический проект А.П. Сумарокова // XVIII век: литература в эпоху идиллий и бурь. М.: Экон-информ, 2012. С. 331–338.

Трудолюбивая Пчела. СПб.: Тип. Акад. наук, 1759. Январь–[декабрь]. 767 с.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература РАН, 1998. 798 с.

Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М.: Наука, 1965. 306 с.

Щеглов Ю.К. Некоторые черты структуры «Метаморфоз» Овидия // Структурно-типологические исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 155–156.

Ярхо В.Н. Комментарий 17 Аполлон и Эридан // Первый Ватиканский мифограф. СПб.: Алетейя, 2000. С. 145.

References

- Alekseeva N.Yu. Lomonosov Mikhail Vasil'evich [Lomonosov Mikhail Vasilievich]. In: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* [Dictionary of Russian writers of the XVIII century]. SPb.: Nauka, 1999, pp. 212–226 [in Russian].
- Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let* [Issues of literature and aesthetics. Studies of different years]. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1975, 504 p. [in Russian].
- Grinberg M.S., Uspensky B.A. *Literaturnaia voina Trediakovskogo i Sumarokova v 1740-kh – nachale 1750-kh godov* [Literary war of Trediakovsky and Sumarokov in the 1740-ies – beginning of the 1750-ies]. In: Uspensky B.A. *Vokrug Trediakovskogo. Trudy po istorii russkogo iazyka i russkoi kul'tury* [Around Trediakovsky. Works on the history of the Russian language and Russian culture]. M.: Indrik, 2008, pp. 219–318 [in Russian].
- Kostin A.A. *Otnosheniia Lomonosova i Sumarokova v 1758–1760 gg. (Iz kommentariiev k pis'mam Sumarokova)* [Relations between Lomonosov and Sumarokov in 1758–1760. (From comments to the letters by Sumarokov)]. *Chteniia Otdela russkoi literatury XVIII veka* [Readings of the Department of Russian Literature of the XVIII century], 2013, no 7, pp. 107–113 [in Russian].
- Kulyabko E.S. *Zamechatel'nye pitomtsy Akademicheskogo universiteta* [Wonderful pupils of the Academic University]. L.: Nauka, 1977, 228 p. [in Russian].
- Levitt M. «Metamorfozy» Ovidiia v russkoi literature XVIII veka – Pro et Contra [«Metamorphoses» of Ovid in the Russian literature of the XVIII century – Pro et Contra].

In: *LITTERARUM FRUCTUS*. SPb.: Al'ians-Arkheo, 2012, pp. 142–153 [in Russian].

Longinov M.N. *Novikov i moskovskie martinisty* [Novikov and the Moscow martinists]. M.: Tip Gracheva, 1867, 176 p. [in Russian].

Maslova A.G. *Mifopoetika sutochnogo vremeni v russkoi masonskoi poezii XVIII veka* [Mythopoetics of the daily time in Russian masonic poetry of the XVIII century]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta i m. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2013, no 1, pp. 113–116. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19058387> [in Russian].

Pekarskij P.P. *Redaktor, sotrudniki i tsenzura v russkom zhurnale 1755–1764 godov* [Editor, staff and censorship in the Russian magazine of 1755–1764.]. SPb.: Tip. Akad. nauk, 1867, 88 p. [in Russian].

Pyatigorsky A. *Kto boitsia vol'nykh kamenshchikov? Fenomen masonstva* [Who is afraid of freemasons? Phenomenon of Freemasonry]. M.: Novoe lit. obozrenie, 2009, 441 p. [in Russian].

Rak V.V. *Inostrannaia literatura v russkikh zhurnalakh XVIII veka* [Foreign literature in Russian journals of the XVIII century]. In: Rak V.V. *Stat'i o russkoi literature XVIII veka* [Articles on Russian literature of the XVIII century]. SPb.: Pushkinskii Dom, 2008, 640 p. [in Russian].

Savelieva M.Yu. *Lomonosov. Mif kak osnovanie myshleniia* [Lomonosov. Myth as the basis of thinking]. M.: Kanon+, 2014, 355 p. [in Russian].

Slozhenikina Yu.V. «*Son, shchastlivoe obshchestvo*» A.P. Sumarokova: k probleme verbal'nogo koda russkogo masonskogo teksta [A.P. Sumarokov's «Son, schastlivoe

obshchestvo»: on the problem of verbal code of Russian masonic text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2011, no 2, pp. 35–39. Available at: <https://1.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/92> [in Russian].

Slozhenikina Yu.V., Rastyagaev A.V. *Nachalo i konets «Trudoliubivoi Pchely»: Utopicheskkii proekt A.P. Sumarokova* [The beginning and the end of the «Hard-Working Bee»: Utopian project of A.P. Sumarokov]. In: *XVIII vek: literatura v epokhu idillii i bur'* [XVIII century: literature in the era of idylls and storms]. M.: Ekon-inform, 2012, pp. 331–338 [in Russian].

Trudoliubivaia Pchela [Hard-Working Bee]. SPb.: Tip. Akad. nauk, 1759. Genvar'-[dekabr'], 767 p. [in Russian].

Freidenberg O.M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. M.: Vostochnaia literatura RAN, 1998, 798 p. [in Russian].

Shtrange M.M. *Demokraticheskaia intelligentsiia Rossii v XVIII veke* [Democratic intellectuals of Russia in the XVIII century]. M.: Nauka, 1965, 306 p. [in Russian].

Shcheglov Yu.K. *Nekotorye cherty struktury «Metamorfoz» Ovidiia* [Some features of the structure of «Metamorphosis» by Ovid]. In: *Strukturno-tipologicheskie issledovaniia* [Structural and typological studies]. M.: Izvo AN SSSR, 1962, pp. 155–156 [in Russian].

Yarho V.N. *Kommentarii 17 Apollon i Eridan* [Commentary 17 Apollo and Eridan]. In: *Pervyi Vatikanskii mifograf* [First Vatican mythographer]. SPb.: Aleteiia, 2000, p. 145 [in Russian].